

ИНТЕРЕСНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Изданная недавно книга покойного ученого Аршака Адамяна «Эстетические воззрения средневековой Армении» (Армгиз, 1955, стр. 224) представляет собою первую попытку серьезного научного рассмотрения доселе неисследованного раздела армянской средневековой философии — эстетики.

Досоветская научная мысль, не оставив наследия и традиций в области изучения армянской средневековой философии, игнорировала вклад армянских мыслителей в области философии искусства.

Труд А. Адамяна написан в полемическом плане. Автор на протяжении всей работы спорит и шаг за шагом опровергает предубеждения и неверные суждения маститого [...] ученого Н. Адонца и его нынешних немногочисленных сторонников, оспаривающих даже возможность существования средневековой армянской эстетической мысли.

А. Адамян формулирует три условия, необходимые для существования и развития эстетики. Это, во-первых, высокий уровень развития искусства, достаточно дифференцированного в формах и жанрах и отражающего значительные стороны действительности; во-вторых, активное участие искусства в борьбе за судьбы своего народа; в-третьих, наличие развитых традиций философской, теоретической мысли. Доказательство наличия этих трех условий в средневековой Армении не представляет собой трудности. Однако дело затрудняется тем, что армянское средневековье не оставило отдельных работ по эстетике, по крайней мере, они не дошли до нас, если даже и были.

Данная книга показывает, как при умелом обращении со скудным материалом историк может успешно выполнить работу, подобную труду палеонтолога, восстанавливающего по неполным останкам облик вымершего существа. Не имея предшественника в своем начинании, А. Адамян проделал нелегкую аналитическую работу по выявлению эстетических воззрений армянских мыслителей, разбросанных в многочисленных как сугубо философских, так и грамматических, риторических и богословских сочинениях.

Под новым углом зрения, необходимым для данной работы, автор рассматривает сочинения армянских грамматиков, строителей и

теоретиков древнеармянского языка — грабара, труды выдающихся армянских философов Езника Кохбаци и Давида Непобедимого, Иована Одзнеци, Мандакуни и др.

Разбирая труды армянских грамматиков эпохи раннего феодализма, автор отвергает ошибочное мнение Н. Адонца о том, что армянские писатели не проявляли никакой самостоятельности в понимании искусства. Более того, А. Адамян, в отличие от Н. Адонца, показывает, что, комментируя грамматику Дионисия Фракийского, они разрабатывали армянскую, а не греческую грамматику, а также теорию современного им армянского искусства, но не античного греческого искусства. По достоинству оценив заслугу Н. Адонца, выявившего и впервые опубликовавшего тексты армянских комментариев к грамматике Дионисия, автор справедливо упрекает его в нигилистическом отношении к творчеству армянских грамматиков, так как он рассматривал их как простых популяризаторов греческой школьной мудрости.

А. Адамян убедительно показывает, что древние армянские грамматики и философы, пройдя в области эстетики школьный период, смогли выйти за рамки греческой учености и отразили в своих эстетических взглядах тенденции древнеармянского национального искусства.

Автор ведет свое исследование в кругу проблем, относящихся к общей теории искусства. Такая постановка вопроса правильна, так как она соответствует уровню развития эстетических воззрений в средневековой Армении. Армянские мыслители по-преимуществу рассматривали искусство как знание, как форму познания действительности, а также как полезную деятельность, разделяя искусство на разумное (теоретическое) и ремесленное (практическое). Широкое распространение в армянской среде получило понимание искусства как «системы знаний, добытых упражнением в отношении того, что полезно в жизни», воспринятое в Армении через грамматику Дионисия от стоиков. Но армянские мыслители, восприняв эту формулу, вложили в нее новое содержание. Если для греческих грамматиков определяющим началом в познании художественного произведения служила эмпирия, опыт, чувственное восприятие практической деятельности, то армянские философы и грамматики в понимании искусства стояли на позициях рационализма и не разделяли принципа эмпиризма. Например, для Давида Непобедимого, как и для

грамматиков, искусство, будь это ремесло, художество или риторика — есть частная форма познания, включенная в единную систему законов познания (стр. 25—39).

На анализе трудов армянских грамматиков А. Адамян убеждает читателя, что интерес к теории литературного искусства таил в целом определенную социально-историческую идею, он показывает, что армянская грамматика, тяготевшая, в отличие от эллинистической, к рациональному обоснованию искусства, стремилась участвовать в борьбе, происходившей тогда в общественном сознании. Отстаивая рациональное перед эмпирическим, древнеармянские теоретики защищали запросы современности перед устаревшими греческими нормами. Греческая эстетика после Платона и Аристотеля уже не питалась запросами народного и монументального искусства, не выражала идеи служения общенародным интересам. Протекавшие вслед за тем века эллинизма принесли с собой дальнейшее измельчение древнего, некогда великого греческого искусства. «на уровне этого, исторически более низкого сознания и находится грамматическая философия Дионисия Фракийского и его греческих схолий. Эта философия еще располагает вековыми традициями огромной культуры, но уже утратила творческие перспективы; систематика и комментаторство кажутся для нее более всего подходящим научным стилем и методом» (стр. 91).

В отличие от морально-потребительского, субъективного осмысления искусства представителями Александрийской школы армянские грамматиканы выдвинули здоровый критерий оценки произведений искусства с точки зрения их общественной полезности, социальной действенности. Автор справедливо объясняет подобный отход армянских мыслителей от греческих схолий насущными потребностями древнеармянского искусства, носившего монументальный характер, принимавшего действенное участие в борьбе армянского народа против его врагов. Автор правильно определяет сущность армянского искусства эпохи раннего феодализма, считая, что оно было обращено к массовому слушателю и зрителю и нуждалось в их понимании и сочувствии, что в своих лучших образцах «оно исходило из народных масс и обращалось к массам, то есть было монументальным» (стр. 88—89).

Следует отметить, что А. Адамян в своей работе не ограничивается лишь историко-эстетическими изысканиями, он подчас затрагивает и

общетеоретические вопросы, выдвигая оригинальные, достойные научного интереса новые определения и толкования. Одним из таких определений является, например, вышеприведенное определение монументального искусства.

А. Адамян на конкретном материале показывает, что мысль об искусстве не составляла привилегии одних только грамматиков. «Наряду с философами, с просвещенными ревнителями родного языка и литературы, к мысли об искусстве и красоте иной раз обращались и правоверные церковники и просвещенные богословы» (стр. 154). Автор одновременно предупреждает, что читатель не должен удивляться, если их идеи (то есть высказывания церковников и богословов) не носят характера сколько-нибудь развернутых суждений об искусстве. Это обстоятельство автор объясняет тем, что как в средневековой Армении, так и в странах западных цивилизаций этого периода мысль об искусстве облекается в форму сентенций и коротких размышлений об искусстве и о прекрасном, а история эстетических учений строится на материале разрозненных тезисов и суждений.

Мастерски раскрывая на скудном материале эстетические воззрения Езника, Мандакуни, Давида Харкаци и Иована Одзнеци, этих представителей церковной идеологии, автор показывает классовую сущность их воззрений. Особенно интересны страницы, посвященные разбору эстетических воззрений Езника Кохбаци, где автор раскрывает противоречивые стороны этого мыслителя, стремящегося согласовать свои мысли о прекрасном в жизни и искусстве с требованиями христианской церкви.

На протяжении всей работы автор смог доказать, что армянские теоретики в своих эстетических воззрениях были оригинальными мыслителями, что их мышление отражало не чужое, а их же собственное общественно-политическое бытие, что думать о родном искусстве и понимать его учила их внутренняя жизнь с ее реальными социально-политическими задачами.

Работа А. Адамяна, к сожалению, не лишена и недостатков. Например, не оправдано встречающееся в отдельных местах вольное обращение с текстами первоисточников, а иногда и не совсем точные их переводы на русский язык, вследствие чего у некоторых читателей может создаться впечатление, что оригинал не дает больших возможностей для теоретических выводов, и автор будто вынужден подгонять текст к своим обобщениям. Недостатком книги, на наш взгляд,

является также ее чрезмерная полемичность. Автор, конечно, прав, когда отвергает неверные суждения Н. Адонца и М. Абеяна об эллинофильской школе, в частности о грамматиках, однако не следует забывать, что данный труд в известной мере обязан своим возникновением трудам упомянутых ученых. Следует отметить также некоторую неряшливость в научном аппарате книги, ошибки и опечатки в сносках, особенно там, где приводятся древнеармянские тексты.

Книга имела бы еще большую ценность, если бы автор не ограничился лишь эпохой раннего феодализма, рассмотрел бы эстетические воззрения мыслителей и представителей искусства также периода развитого феодализма. Правда, взгляды двух его представителей — Григора Магистроса (XI в.) и Ованеса Ерзынкаци (XIII—XIV вв.) автор слегка затрагивает, несмотря на то, что книга имеет подзаголовок «Период раннего феодализма».

Трудом «Эстетические воззрения средневековой Армении» А. Адамян заложил основы для разработки истории армянской эстетической мысли. В этом главная и основная заслуга автора. Следует надеяться, что наши молодые специалисты по эстетике продолжают работу, успешно начатую А. Адамяном, и не только докажут правомерность существования самостоятельной армянской эстетической мысли — это А. Адамян уже сделал, — но и воссоздадут ее полную историю.

“Коммунист”, Ереван, 1956, 18 июля, № 167

II. ИЗ РАБОТ А. А. АДАМЯНА

ИЗ ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ.

Искусство как полезная деятельность*

Оглядываясь на далекое прошлое, перебирая в памяти его памятники, чудесные еще сегодня, те, в которых так много ума, благородной страсти и тонкого вкуса, мы в меру знаний наших силмся

* Глава из работы автора — «Эстетические воззрения в древней Армении». Рег.